Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной.[1])

III.

Участіе великой княгини Елены Павловны въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.—Письмо ея Н. А. Милютину и его отвѣтъ.—Положеніе крестьянскаго вопроса въ провинціи по письмамъ Ю. Ѳ. Самарина и Карамзина.—Записка о генералъ-губернаторахъ и контръ-проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ.—Губернскіе комитеты.—Учрежденіе редакціонной коммисіи.—Письмо Н. А. Милютина Самарину и отвѣтъ Юрія Ѳедоровича о его готовности поступить въ число членовъ редакціонной коммиссіи.—Начало работъ.

Разсказъ предыдущей главы отличается нѣкоторою пестротою; но, записанный подъ свѣжими впечатлѣніями того времени, въ итогѣ, онъ вѣрно передаетъ характеръ и колоритъ среды и эпохи, гдѣ многое было точно пестро, незрѣло, шатко, гдѣ многое зависѣло какъ-бы отъ случайныхъ обстоятельствъ, нежданныхъ встрѣчъ, часто пустыхъ сплетень.

Посреди этой обстановки, личныхъ непріятностей и всякаго рода интригъ, казалось бы трудно сохранить присутствіе и независимость духа, нужныя законодателю для разработки дѣлъ сложныхъ, и проводить ихъ по опредѣленной строгой и стройной системѣ. Но не такъ было съ Николаемъ Алексѣевичемъ. Придется теперь оглянуться назадъ, на трудовую сторону его жизни, и, отрѣшившись отъ окружающей его ярмарки — тщеславія, проникнуть въ состояніе его нравственнаго, душевнаго міра и сношенія съ товарищами по крест-

[1]) См. «Русскую Старину», январь 1899 г.

янскому дѣлу. Переходъ будетъ рѣзокъ и задача трудна. Но, письма того времени сами раскрываютъ всю правду и не нуждаются въ комментаріяхъ.

Хотя служба и дѣла мало оставляли времени Николаю Алексѣевичу переписываться съ друзьями, хотя почти всѣ тѣ, съ кѣмъ переписка могла быть искренна и полна, сами находились тогда въ Петербургѣ, работали съ нимъ за тѣмъ же дѣломъ, однако и немногихъ строкъ, дополненныхъ воспоминаніями, достаточно чтобъ каждый съ невольнымъ вздохомъ поставилъ себѣ вопросы: зачѣмъ не онъ, съ самаго начала, стоялъ во главѣ реформы? Зачѣмъ такъ долго и систематично подвергался устраненію, когда именно онъ въ ней былъ хозяинъ? Зачѣмъ такъ безжалостно истощали лучшіе годы и силы его жизни (на защиту самого себя и своихъ дѣлъ), когда въ нихъ заключалась честь и достоинство Россіи?

Первое, въ хронологическомъ порядкѣ письмо и мѣсто (по эмансипаціи) принадлежитъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая вслѣдъ за словами, произнесенными государемъ на коронаціи,—дѣйствительно первая отозвалась на призывъ къ благому начинанію и, съ свойственною ей теплотою и искренностью чувствъ, задумала показать дворянству примѣръ повиновенія монаршей воли, освободить крестьянъ своего крупнаго Полтавскаго имѣнія, Карловки. Она хорошо знала къ кому обратиться за содѣйствіемъ и руководствомъ. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ совѣщаній съ Николаемъ Алексѣевичемъ, она поручила ему изготовить записку, и подала ее государю въ первыхъ числахъ октября 1856 года, о чемъ собственноручно увѣдомляла мужа 14-го октября:

«По пріѣздѣ моемъ въ Царское село зашла рѣчь о запискѣ; прежде всего мнѣ замѣтили, что она не заключаетъ, какъ ожидали, обстоятельно выработаннаго проекта о томъ, какимъ образомъ я предполагаю устроить Карловку и что это было бы желательно для того, чтобы имѣть возможность сослаться впослѣдствіи на этотъ примѣръ и руководствоваться имъ по отношенію къ прочимъ помѣщикамъ. Я замѣтила, что въ запискѣ изложены общіе взгляды и нѣкоторыя частныя предложенія и что предложенія такого рода какъ заключать договоры и взимать оброкъ въ видѣ поземельнаго налога, а не подушной подати, заключаютъ въ себѣ принципы первостепенной важности, которые могутъ быть значительно развиты впослѣдствіи и которые я не могу высказывать иначе, какъ получивъ на то высочайшее соизволеніе [1]). Было рѣшено, что мнѣ будетъ приказано чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ созвать собраніе помѣщиковъ Полтавской губерніи, готовыхъ принять

[1]) Въ этомъ смыслѣ говорилъ ей Николай Алексѣевичъ.

участіе въ этомъ дѣлѣ, указавъ при этомъ, что такъ какъ вышеупомянутое предложеніе удостоилось высочайшаго одобренія, то я уполномочена дѣйствовать руководствуясь этими основаніями.

«О мѣрахъ предложенныхъ самому правительству не было рѣчи; по моему мнѣнію, мы могли бы, быть можетъ, примѣнить нѣкоторыя изъ нихъ, а другими могъ бы воспользоваться министръ внутреннихъ дѣлъ, а равно и графъ Блудовъ для той части, которая требуетъ преобразованій нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣръ.

«Затѣмъ меня спросили, кѣмъ написана записка, на что я отвѣчала, что она редактирована у меня, по основамъ выработаннымъ въ Москвѣ.

«Мнѣ кажется дѣло налаживается, хотя оно еще не обсуждалось во всей совокупности. Надобно взвѣсить, что именно слѣдуетъ сдѣлать въ настоящую минуту, какія надобно принять подготовительныя мѣры, какъ съ пользою употребить время моего отсутствія и наконецъ, каким образомъ и изъ кого образовать комитетъ по моемъ возвращеніи. Слѣдовало бы во всякомъ случаѣ послать Ланскому и графу Блудову копію съ моей записки, ежели Ланской, работая въ пятницу съ императоромъ, не получилъ ее изъ рукъ его величества» [1]).

Въ отвѣтѣ Николая Алексѣевича замѣтно много радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и осторожной сдержанности.

Вотъ что онъ писалъ отъ 18-го октября 1856 года.

«По мысли, выраженной въ запискѣ (съ которой имѣю честь представить при семъ двѣ копіи), предполагалось, ежели на то будетъ получено дозволеніе, войти предварительно въ переговоры съ нѣкоторыми помѣщиками Полтавской губерніи, чтобы выработать планъ организаціи проектированнаго комитета и только тогда, когда было бы получено вторичное подтвержденіе, приступить къ самому открытію комитета. Если таковой ходъ дѣла, впрочемъ вполнѣ естественный и во многихъ отношеніяхъ выгодный, былъ бы одобренъ его величествомъ, то въ настоящую минуту оставалось бы только войти въ офиціальныя сношенія съ тѣми помѣщиками, намѣренія которыхъ извѣстны, а именно съ г. Тарновскимъ и съ княземъ Кочубеемъ, чтобы воспользоваться ихъ совѣтомъ относительно организаціи личнаго состава и трудовъ комитета. Ихъ отвѣты могли бы облегчить редакцію постановленія, которое было бы представлено на высочайшее утвержденіе. Все это дастъ возможность выиграть время, что, по моему мнѣнію, не можетъ повредить дѣлу, требующему величайшей осмотрительности. Если бы эти господа высказали одновременно свои мысли по существу вопроса, то мнѣ кажется было бы благора-

[1]) Переводъ съ французскаго.

зумнѣе не обсуждать ихъ въ настоящую минуту, чтобы сохранить полную свободу дѣйствій въ будущемъ».

Далѣе, отвѣчая великой княгинѣ на вопросъ не избрать ли ей во время пребыванія за границею «повѣреннаго по этому дѣлу», причемъ ея высочество указывала на Д. М. Хрущова, Николай Алексѣевичъ говоритъ какъ важно было бы имѣть, съ самаго начала, во главѣ крестьянскаго вопроса лицо вліятельное и неколебимое въ своемъ офиціальномъ положеніи, какъ напр. великаго князя Константина Николаевича.

«... Весьма возможно, писалъ между прочимъ Н. А. Милютинъ [1]), что при первомъ же обмѣнѣ мыслей, въ интересахъ самаго дѣла, потребуется энергичный руководитель, могущій оказать и нравственную поддержку для того, чтобы придать съ самаго начала нѣкоторую устойчивость столь нетвердымъ взглядамъ и убѣжденіямъ. Частный человѣкъ, въ родѣ того, на котораго ваше высочество соблаговолили указать, не можетъ имѣть достаточно авторитета и независимости, чтобы взять на себя подобную обязанность; онъ только повредитъ этимъ себѣ въ будущемъ, не достигнувъ цѣли. Смѣю ли я назвать единственнаго человѣка, который по положенію своему могъ бы быть выразителемъ вашихъ мыслей? Не зная намѣреній его императорскаго высочества, я не смѣю болѣе настаивать на этомъ, и умоляю ваше высочество простить мнѣ то, что я высказалъ мысль, о которой я не имѣю права судить [2]).

Всѣ послѣдующія совѣщанія съ великою княгинею происходили изустно, а документально ничего не осталось кромѣ этихъ двухъ писемъ, и самаго Карловскаго проекта. Изъ нихъ мы, однако, получаемъ указаніе откуда пошла первая мысль о созывѣ губернскихъ комитетовъ. Что не найдется ни въ какихъ бумагахъ и чего нѣтъ причины таить,—это какъ много стоило Николаю Алексѣевичу труда въ самомъ началѣ убѣдить великую княгиню не ограничиваться однимъ поспѣшнымъ примѣромъ великодушія, не отпускать своихъ крестьянъ на волю однимъ почеркомъ пера, какъ ей сперва хотѣлось, но опредѣливъ ихъ поземельное устройство, воспользоваться случаемъ, чтобъ предложить правительству нѣкоторыя основныя мѣры, которыя могли-бы современемъ войти въ общую программу реформы,

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Къ сожалѣнію этому не суждено было исполниться. Великій князь Константинъ Николаевичъ не принялъ предложенія, опасаясь чтобы вмѣшательство его не повредило дѣлу, и выступилъ лишь въ 1860 году, когда труды редакціонной коммисіи поступили на разсмотрѣніе главнаго комитета, предсѣдателемъ коего государь назначилъ его. Отсутствіе этой forte direction весьма горько ощущалось, и слѣдующіе за этимъ письмомъ два года можно считать потерянными для дѣла.

словомъ—вывести крестьянскій вопросъ сперва изъ области мечтаній и благородныхъ фантазій, потомъ изъ сферъ канцелярскихъ тайнъ на тотъ честный, прямой, незыблемый законодательный путь, по которому ему слѣдовало разработываться. Много стоило Н. А. труда умѣрять живость впечатлительной и дѣятельной натуры августѣйшей своей покровительницы, нелегко примирявшейся съ замедленіемъ, компромиссами, недобросовѣстностью. Глубоко уважая умъ и дарованія великой княгини, онъ, однако, цѣлыхъ пять лѣтъ опасался, чтобы она какою нибудь неосторожностью не повредила успѣху всего дѣла. Словомъ, онъ оберегалъ и дѣло, и самую великую княгиню, и въ то время когда считали необходимымъ его устранять отъ дѣла, какъ опаснаго человѣка, онъ можетъ быть одинъ направлялъ и руководилъ съ тайною любовью мысль объ освобожденіи крестьянъ. Это нарождавшееся новое сословіе, росшее тихо и болѣзненно въ тяжкой борьбѣ за существованіе со всѣми язвами своего времени, съ обветшалою, отжившею частью русскаго общества, никогда не дожило бы до совершеннолѣтія, т. е. до 19-го февраля 1861 года, если бы незримо и никѣмъ невѣдомо, добрый геній не поддерживалъ его первые слабые шаги, не вывелъ бы его на вольный воздухъ изъ душной атмосферы совѣтовъ, гдѣ возсѣдали престарѣлыя сановныя няньки, и не поставилъ его подъ опеку лучшихъ народныхъ силъ.

Какъ лицо офиціальное, не облеченное по этой части никакимъ полномочіемъ, Николай Алексѣевичъ съ 1856 по 1859 годъ, ради самаго дѣла, долженъ былъ скрывать свое въ немъ и къ нему участіе. Но «злоба дня» и насущная его потребность выглядываютъ почти всякій разъ, какъ онъ берется за перо. Отвѣчая графу А. Г. Строганову (на просьбу рекомендовать ему нѣсколько чиновниковъ въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернаторства) онъ жалуется на недостатокъ людей для реформъ, которыя въ скоромъ времени должны были наступить.

Приготовляясь къ нимъ Николай Алексѣевичъ пришелъ къ убѣжденію, что безъ кредитной операціи освобожденіе крестьянъ никакъ не обойдется. Съ этою цѣлью онъ собралъ нѣкоторыя цифры, которыя доказывали, что это не такъ не возможно какъ вначалѣ думали.

Пессимисты крестьянскаго дѣла не вѣрили въ возможность выкупа, но нѣкоторыя болѣе передовыя и образованныя личности раздѣляли на этотъ счетъ его воззрѣнія. А. Н. Карамзинъ, будущій членъ отъ нижегородскаго комитета, между прочимъ писалъ ему въ началѣ 1858 года.

«Я рѣшился отложить свой офиціальный отвѣтъ по случаю запроса о цѣнности земли, потому что теперь во всѣхъ дѣлахъ собираются по возможности вѣрныя свѣдѣнія по сему предмету и по со-

браніи ихъ, я надѣюсь въ комитетѣ быть въ состояніи вамъ дѣльнѣе отвѣчать. Нѣтъ возможности безъ финансовой операціи сдѣлать что нибудь толковое. Правительство напрасно будетъ надѣяться, что оно совершитъ финансовый переворотъ милліоновъ частныхъ лицъ, не принимая въ этомъ переворотѣ ни малѣйшаго участія. Весь вопросъ въ томъ, чтобы изыскать средство лучшее и безопасное для разрѣшенія задачи, но надѣяться миновать задачу такъ-же дико со стороны правительства, какъ дика надежда нѣкоторыхъ помѣщиковъ на то, что можно удержать старый порядокъ вещей».

Главный комитетъ, открывшійся въ 1857 году, почти два года продолжалъ бродить въ потемкахъ, витать въ неясностяхъ и колебаніяхъ, а это горестно отражалось въ провинціи.

— Будемъ-ли имѣть что-нибудь по части эмансипаціи, спрашивалъ его Александръ Николаевичъ Муравьевъ въ 1857 году [1]). Народъ разбуженъ слухами, а его вѣдь легче пробудить, чѣмъ усыпить.

Когда въ началѣ 1858 года, губернскимъ комитетамъ была наконецъ предъявлена изъ министерства внутреннихъ дѣлъ «программа для занятій по крестьянскому дѣлу», такъ сильно взволновавшая сперва помѣщичьи страсти, что до Н. А. Милютина доходили неблагопріятные слухи.

«Муравьевъ открылъ нашъ комитетъ рѣчью, писалъ А. Н. Карамзинъ въ 1858 году изъ Нижняго-Новгорода, по моему великолѣпною, но вся Закревщина [2]) здѣсь отъ нея въ негодованіи, находя, что официальное лицо ничего не должно говорить кромѣ пошлостей».

«Сдѣлайте милость, писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ изъ Самары, внушите вашему министру, чтобы онъ хоть конфиденціально сообщилъ нашему губернскому предводителю копію съ рѣчи, произнесенной государемъ въ Москвѣ. Они считаютъ ее подложною, вѣрятъ всякимъ вздорнымъ слухамъ и не хотятъ убѣдиться въ твердомъ намѣреніи правительства».

Истерзанный такими извѣстіями, многими сдѣланными ошибками, потерею времени и неизвѣстностью к у д а наконецъ поступятъ губернскіе проекты для окончательной ихъ разработки въ общую законодательную форму, Николай Алексѣевичъ изливаетъ передъ графомъ Киселевымъ душевное свое мученіе; надежда и терпѣніе начинаютъ измѣнять ему (прилагаемое письмо написано еще за 11 мѣсяцевъ до назначенія его въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ и члены редакціонной коммисіи).

---

[1]) Нижегородскій губернаторъ.

[2]) Графъ А. А. Закревскій, бывшій московскій генералъ - губернаторъ.

Графу П. Д. Киселеву. Петербургъ, 1858 года [1]).

«Здѣсь, всѣ мысли, всѣ заботы, поглощены великимъ вопросомъ, который такъ неожиданно возбужденъ въ Россіи. Теперь для самыхъ близорукихъ проясняется ваша 18-ти-лѣтняя дѣятельность по министерству государственныхъ имуществъ. Но, въ какихъ теперь все это рукахъ? Что за безсмыслiе и неурядица? Горестно вспомнить, какъ творится такое трудное и важное дѣло. Дворянство корыстное, неподготовленное, неразвитое предоставлено собственнымъ силамъ. Не могу себѣ представить, что выдетъ изъ всего этого, безъ руководства и направленія, при самой грубой оппозиціи высшихъ сановниковъ, при интригахъ и недобросовѣстности исполнителей. Нельзя не изумляться рѣдкой твердости государя, который одинъ обуздываетъ настоящую реакцію и силу инерціи.

«Нашъ образъ жизни все тотъ же, тихій и скромный между занятіями и дѣтьми».

Въ отвѣтѣ своемъ (отъ 16-го апрѣля 1858 года) Киселевъ писалъ ему.

«Молю Бога объ успѣхѣ предпринятаго и прошу Его даровать настойчивость тѣмъ, кто трудится надъ этимъ святымъ дѣломъ. Я такъ старъ и такъ немощенъ, что не увижу результата этого великаго и славнаго дѣла; но я хотѣлъ бы знать, что оно продолжается и идетъ неустанно къ той цѣли, которая рано или поздно все таки будетъ достигнута—да не прогнѣваются тѣ, кто разсчитываетъ на утомленіе работниковъ» [2]).

Между тѣмъ, кромѣ текущихъ дѣлъ по министерству, Николай Алексѣевичъ былъ заваленъ всякаго рода дѣлами, изъ которыхъ каждое было само по себѣ важно, и удивляешься какъ онъ на все поспѣвалъ! Помимо упомянутыхъ разработокъ Карловскаго и выкупнаго проектовъ, постоянныхъ хлопотъ по дѣлу новаго положенія Думы, у Николая Алексѣевича были занятія: по комитету Тенгоборскаго о новомъ тарифѣ; разработка уставовъ рабочихъ домовъ; разработка проектовъ порядка разбирательства споровъ между крестьянами и помѣщиками; разработка на самыхъ широкихъ основаніяхъ преобразованія земской полиціи и всѣхъ земскихъ учрежденій.

«Д. П. Хрущевъ сообщилъ мнѣ, писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ началѣ 1858 года [3]), вновь составленные два проекта: 1) объ устройствѣ земской полиціи, 2) о порядкѣ разбирательства споровъ между помѣщиками и крестьянами. Они были въ моихъ рукахъ не болѣе трехъ или четырехъ часовъ. Этого было достаточно, чтобы убѣдиться въ достоинствѣ и глубокой обдуманности этого труда, но слишкомъ мало, чтобы сообра-

[1]) Мѣсяцъ и число не обозначены.

[2]) Переводъ съ французскаго.

[3]) Мѣсяцъ и число не обозначены.

зить ихъ во всѣхъ подробностяхъ, съ тѣми проектами, которые пойдутъ отъ Самарскаго комитета. Поэтому я желалъ бы, скажу болѣе, мнѣ почти необходимо имѣть ихъ всегда подъ рукою для постоянныхъ справокъ. Кромѣ того, я самъ намѣренъ писать объ устройствѣ инстанціи для разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами [1]).

«Почти всѣ начала, изложенныя въ проектѣ, совпадаютъ съ моими предположеніями, и потому мнѣ очень бы хотѣлось возбудить нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ и предложить нѣкоторые варіанты собственно по тѣмъ статьямъ, въ которыхъ мои убѣжденія расходятся съ проектомъ. Вы меня премного обяжете, прислав мнѣ оба проекта».

Любопытно, что въ то самое время, когда Николай Алексѣевичъ и его пріятели, въ скромной средѣ своей, обдумывали и изыскивали средства мирнымъ, законодательнымъ путемъ устранять могущіе возникать безпорядки, ближайшіе совѣтники государя и важнѣйшіе сановники имперіи, напуганные и взолнованные приступомъ къ такому необычайному дѣлу, вмѣсто того, чтобы выработать требуемую отъ нихъ постановку вопросовъ и программу дѣйствій, придумывали мѣры репрессивныя для ожидаемыхъ безпорядковъ. Къ этой именно эпохѣ относится изобрѣтеніе покрыть всю Россію генералъ-губернаторствами и контръ-проектъ, составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Князь Орловъ, Ростовцевъ и другіе внушили государю мысль о необходимости организовать повсемѣстно нѣчто въ родѣ военнаго диктаторства. Первая рѣчь объ этомъ зашла весной 1858 года и очень не понравилась Николаю Алексѣевичу. Мы тогда только-что переѣхали на дачу Аптекарскаго острова, возлѣ казенной дачи министра внутреннихъ дѣлъ, и мужъ почти ежедневно видѣлся съ С. С. Ланскимъ, которому передалъ свои опасенія. Министръ не замедлилъ ихъ раздѣлить и взялся сдѣлать о томъ представленіе государю. Нижеслѣдующая записка была наскоро составлена у насъ на дачѣ, подъ величайшимъ секретомъ, при участіи лишь губернатора Арцимовича и князя Д. А. Оболенскаго.

Записка о послѣдствіяхъ предполагаемаго повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ.

Мысль о необходимости повсемѣстнаго учрежденія генералъ-губернаторовъ основана (какъ видно изъ отношенія государственнаго секретаря къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 17-го мая сего (1858) года) на предположеніи, что вслѣдствіе предстоящаго преобразованія въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ могутъ возникать такого рода волненія, для пре-

[1]) Будущая должность мировыхъ посредниковъ.

кращенія которыхъ власть гражданскихъ губернаторовъ въ теперешнемъ ея состояніи окажется недостаточною или слабою и, что, поэтому необходимо временно установить повсемѣстно другую власть, которая завѣдывала бы управленіемъ нѣсколькихъ губерній, была бы снабжена чрезвычайными полномочіями, и почти исключительно была-бы направлена противу могущихъ произойти волненій между крестьянами. Поэтому прежде всего предстоитъ разсмотрѣть, во-первыхъ, дѣйствительно ли состояніе государства требуетъ повсемѣстнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ для охраненія порядка, и предупредитъ ли безпорядки учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ? и, во-вторыхъ, какія послѣдствія произведетъ установленіе генералъ-губернаторовъ въ отношеніи къ губернскому и общему управленію имперіи? А затѣмъ сами собою выведутся заключенія о томъ, какія законныя мѣры способны были бы отвратить затрудненія, могущія возникнуть при неисполненіи предположеннаго преобразованія въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ.

1.

Нужны ли повсемѣстныя чрезвычайныя общія мѣры?

Главное ручательство успѣха въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостныхъ правъ помѣщиковъ заключается въ томъ, что это преобразованіе началось по непосредственному указанію государя императора.

Вслѣдствіе этого, оно получило возвышенное, даже можно сказать, святое значеніе для народа, который вѣруетъ, что подъ милостивымъ руководствомъ монарха, дѣло это будетъ разрѣшено вполнѣ безпристрастно и съ равномѣрною справедливостью относительно интересовъ обоихъ сословій. При такомъ состояніи дѣлъ, имѣетъ ли правительство причину ставить себя въ оборонительное положеніе противу всего государства?

Напротивъ, сознавая свое могущество, основанное на полномъ сочувствіи и довѣріи народа, правительство должно дѣйствовать твердо и спокойно, заботиться о правильномъ направленіи крестьянскаго дѣла, тщательно избѣгать непосредственнаго вмѣшательства въ частные раздоры и несогласія и держаться законнаго способа дѣйствій даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы возникли какіе-либо мѣстные безпорядки. Такой образъ управленія поддерживаетъ въ народѣ довѣріе и сочувствіе его къ правительству; всякія же чрезвычайныя мѣры, къ числу какихъ можно отнести повсемѣстное учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ съ необыкновенными полномочіями, приведутъ къ совершенно противуположнымъ послѣдствіямъ. И дѣйствительно, какія мысли возбудятся въ народѣ при видѣ особыхъ угрожающихъ мѣръ, исключительно противъ

него направленныхъ, когда онъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ распоряженіямъ правительства? Не естественно ли будетъ, если эти чрезвычайныя мѣры сочтутся за признакъ того, что предпринятое преобразованіе въ бытѣ крестьянъ предполагается рѣшить не безпристрастно и, что поэтому предвидится надобность въ насильственномъ подчиненіи правительственнымъ распоряженіямъ?

Подобное воззрѣніе тѣмъ возможнѣе, что, какъ извѣстно, генералъ-губернаторская власть, будучи совершенно личною, вообще не возбуждаетъ у насъ сочувствія, и упраздненіе въ 1856 году харьковскаго и витебскаго генералъ-губернаторствъ произвело общую радость не только въ губерніяхъ, освобожденныхъ отъ управленія генералъ-губернаторовъ, но и во всей Россіи, ибо мѣра эта была принята, какъ выраженіе стремленія къ утвержденію законности. Кромѣ того, за исключеніемъ столицъ, въ которыхъ званіе генералъ-губернаторовъ имѣетъ особый по сложности полицейскаго управленія характеръ, и гдѣ всѣ дѣйствія властей состоятъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ верховнаго правительства и, вообще генералъ-губернаторы существовали и существуютъ до сихъ поръ только въ такихъ мѣстностяхъ Россіи, которыя по отдаленности географическаго положенія или по историческимъ и племеннымъ особенностямъ возбуждали недовѣріе правительства и потому признаны были требующими особаго чрезвычайнаго надзора.

Очевидно, что повсемѣстное учрежденіе въ Россіи временныхъ генералъ-губернаторовъ возбудитъ мысль о возникшемъ недовѣріи правительства и ко всему народу русскому, что вызоветъ подобное же чувство и отъ народа къ правительству и, слѣдовательно, уничтожитъ вѣрнѣйшій залогъ народнаго спокойствія.

2.

Какихъ ожидать послѣдствій отъ установленія генералъ-губернаторовъ?

Исторія нашего законодательства указываетъ на постоянное, уже давно существующее направленіе ограничить въ губерніяхъ произволъ личной власти коллегіальными установленіями. Эта мысль принята въ основаніе при составленіи не только всѣхъ губернскихъ учрежденій, но даже при изданіи учрежденія для управленія Сибири, гдѣ произволъ генералъ-губернаторовъ старались ограничить совѣтами. Этою мыслью руководствовался и комитетъ, 6 декабря 1826 года, при упраздненіи въ пяти Великороссійскихъ губерніяхъ генералъ-губернаторствъ, о которыхъ живутъ еще въ народѣ самыя тяжелыя преданія, напоминающія трудныя времена воеводскаго и намѣстническаго управленій съ принадлежащими имъ свойствами кормленія и произвола.

Замѣчательно, что еще въ царствованіе въ Бозѣ почившихъ императоровъ Александра I и Николая I, возбуждаемо было предположеніе о повсемѣстномъ учрежденіи въ Россіи генералъ-губернаторовъ, но и въ ту и другую эпоху мѣра эта была отвергаема, ибо вѣроятно и тогда признана была не соотвѣтствующею системѣ правильнаго управленія.

Нынѣ же предполагается не только повсемѣстно учредить генералъ-губернаторовъ, но еще и увеличить ихъ власть противу прежней, которая признается уже недостаточною. Въ основаніи этой мѣры лежитъ, между прочимъ, сознаніе, что нынѣшніе гражданскіе губернаторы слишкомъ обременены дѣлами и потому не могутъ при введеніи новыхъ положеній о крестьянахъ дѣйствовать съ достаточною силою и энергіей. Такое сознаніе должно бы, казалось, привести къ тому заключенію, что необходимо возвысить власть начальниковъ губерній и облегчить ихъ отъ менѣе существенныхъ занятій, но вмѣсто этой простой и естественной мѣры предполагается раздѣлить всю Россію на генералъ-губернаторства.

Вслѣдствіе повсемѣстнаго установленія генералъ-губернаторовъ необходимо измѣнится и іерархическій порядокъ и административные законы, опредѣляющіе взаимныя отношенія всѣхъ существующихъ установленій, отъ Сената до послѣдней полицейской инстанціи; но это повело бы къ коренному преобразованію всѣхъ государственныхъ учрежденій, а подобныя преобразованія несвойственно предпринимать съ тою единственно цѣлью, чтобы сдѣлать возможною власть временную, и притомъ личную, какова будетъ генералъ-губернаторская.

Но между тѣмъ избѣжать измѣненія этихъ отношеній также невозможно, ибо если оно даже не будетъ опредѣлено закономъ, то совершится само собою, вслѣдствіе неминуемыхъ и частыхъ столкновеній и пререканій между властями, которыя могутъ оказаться сильными и соперничествующими.

Что же касается до власти начальника губерніи, то въ отношеніи къ ней учрежденіе генералъ-губернаторовъ будетъ имѣть слѣдующія послѣдствія:

1) По естественному ходу дѣла, временные генералъ-губернаторы усилятъ свою власть на счетъ постоянной власти гражданскихъ губернаторовъ, а между тѣмъ, власть сихъ послѣднихъ по учрежденію своему и по самому способу раздѣленія государства на губерніи заключаетъ въ въ себѣ всѣ элементы законной силы и значенія. Завѣдуя тремя или четырьмя губерніями, генералъ-губернаторъ, разумѣется, вынужденъ будетъ дѣйствовать черезъ тѣхъ же губернаторовъ, но только съ тою разницею, что такой образъ дѣйствій будетъ очевидно еще слабѣе нынѣшняго, ибо званіе губернаторовъ, какъ лицъ второстепенныхъ въ губернскомъ управленіи, всюду упадетъ до мелкаго значенія несамостоятельныхъ

чиновниковъ, заботящихся не столько объ управленіи, сколько объ угожденіи генералъ-губернатору.

2) Нынѣ существующія затрудненія въ управленіи, происходящія отъ неустройства нашихъ полицейскихъ и другихъ установленій, а также отъ самаго обезпеченія чиновниковъ, отъ злоупотребленій откупной системы и вообще отъ нравственной порчи многихъ должностныхъ лицъ, ни въ какомъ случаѣ съ опредѣленіемъ генералъ-губернаторовъ не устранятся. Къ этому выводу приводитъ несомнѣнный фактъ, что въ такихъ областяхъ, которыя давно и постоянно находились подъ вѣдѣніемъ генералъ-губернаторовъ, органы мѣстнаго управленія нисколько не улучшились, изъ чего слѣдуетъ заключить, что генералъ-губернаторы вѣроятно по причинѣ самаго смысла этого личнаго учрежденія, не имѣютъ никакихъ условій ни къ возвышенію нравственнаго достоинства чиновниковъ, ни къ усовершенствованію хода администраціи, ни къ уничтоженію взяточничества и казнокрадства.

3) Единство губернскаго управленія съ установленіемъ временныхъ генералъ-губернаторствъ нарушится, ибо губернаторы не всегда съумѣютъ передать свои убѣжденія и образъ воззрѣнія на мѣстное управленіе генералъ-губернатору, для котораго иногда многія дѣйствительныя препятствія и недостатки, по обширности порученнаго ему края, останутся закрытыми и неизвѣстными. Отсюда неизбѣжно разномысліе, проявляющееся безпрерывно въ распоряженіяхъ несогласныхъ и нерѣдко порождающихъ переписку, которая запутываетъ и усложняетъ ходъ дѣла.

4) Предоставленіе генералъ-губернаторамъ, какъ это указано въ отношеніи государственнаго секретаря, права и власти опредѣлять по своему усмотрѣнію всѣхъ чиновъ полицейскаго управленія въ 30—50-ти подвѣдомственныхъ имъ уѣздахъ можетъ имѣть самыя тяжкія послѣдствія; ибо значеніе губернаторовъ, съ устраненіемъ ихъ отъ выбора чиновниковъ на уѣздныя должности, ослабнетъ еще болѣе. Притомъ, перемѣны въ личномъ составѣ, при наступающихъ обстоятельствахъ, должны производиться съ крайнею осмотрительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ со снисхожденіемъ къ недостаткамъ, выкупаемымъ опытностью и пріобрѣтеннымъ авторитетомъ.

5) Предположеніе объ освобожденіи генералъ-губернатора отъ текущихъ и мелочныхъ дѣлъ совершенно невозможно, ибо онъ, чтобы не уронить своей власти и не потерять нравственнаго значенія, обязанъ будетъ принимать прошенія, жалобы, письма, указанія уже не по одной губерніи, какъ гражданскій губернаторъ, а отъ жителей 30—50-ти уѣздовъ. Словомъ, при неустройствѣ нашихъ присутственныхъ мѣстъ и недовѣріи жителей къ правильности дѣйствій чиновниковъ, онъ будетъ заваленъ разными просьбами, и никакая инструкція не освободитъ его

отъ производства текущихъ дѣлъ. Да и какимъ образомъ надзирать за ходомъ дѣлъ, ежели не выслушивать просителей? Для освобожденія генералъ-губернаторовъ отъ текущихъ дѣлъ, согласно предположеннымъ правиламъ, слѣдовало бы сложить съ нихъ надзоръ за ходомъ всей губернской администраціи, а это было бы съ этими самыми предположеніями не согласно.

Что слѣдуетъ разумѣть подъ общимъ выраженіемъ: «мелочныя и текущія дѣла»? Всякое дѣло, пока оно не рѣшено, остается текущимъ, хотя бы это было важное или мелочное, и наоборотъ всякое дѣло мелочное или важное перестаетъ быть текущимъ, если оно производствомъ уже окончено.

6) Вышеупомянутая необходимость генералъ-губернаторовъ входить въ подробности управленія повторитъ то самое явленіе, которое замѣчается во всѣхъ прежде бывшихъ и нынѣ существующихъ генералъ-губернаторствахъ, а именно: канцеляріи ихъ получатъ значеніе новой лишней инстанціи, болѣе способной къ привлеченію дѣлъ, чѣмъ къ правильному и скорому разрѣшенію ихъ.

7) Сомнительно также, чтобы назначеніе генералъ-губернаторовъ имѣло особое полезное вліяніе на усиленіе дѣйствій военныхъ силъ, если бы таковыя понадобились, ибо и гражданскіе губернаторы имѣютъ право и возможность всегда обращаться къ военному начальству съ требованіемъ содѣйствія.

8) Наконецъ и касательно собственно преобразованія быта крестьянъ, власть генералъ-губернаторовъ представляется также какъ и въ другихъ случаяхъ или безполезною, или даже вредною, смотря по тому, въ какія они будутъ поставлены отношенія къ губернскимъ расправамъ.

Эти расправы предполагается образовать въ каждой губерніи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскихъ предводителей дворянства, предсѣдателей палатъ государственныхъ имуществъ и губернскихъ прокуроровъ съ тою цѣлью, чтобы рѣшать всѣ недоумѣнія и споры между помѣщиками и сельскими обывателями окончательно и безъ апелляціи.

Если генералъ-губернаторы не будутъ имѣть права отмѣнять и пріостанавливать положенія ихъ расправъ, то посредничество ихъ сдѣлается совершенно излишнимъ и замедляющимъ только самое окончаніе и разрѣшеніе недоумѣній. Если же отъ усмотрѣнія генералъ-губернаторовъ будетъ зависѣть отмѣна положенія губернскихъ расправъ, то личное воззрѣніе получитъ перевѣсъ надъ установленіемъ, и вслѣдствіе этого, губернскія расправы потеряютъ силу и довѣріе тяжущихся и вообще всякое законное значеніе.

Такимъ образомъ учрежденіе генералъ-губернаторовъ, предста-

вляющееся съ перваго взгляда мѣрою сильною и строгою, на самомъ дѣлѣ не внесетъ въ губернское управленіе новыхъ жизненныхъ началъ, но придастъ, напротивъ, губернскому управленію какую то двойственность, поколеблетъ и ослабитъ полезное вліяніе губернаторовъ, возбудитъ безплодныя, даже вредныя столкновенія съ высшими учрежденіями и неминуемо усложнитъ производство дѣлъ и переписокъ, а по крестьянскому вопросу это учрежденіе не только окажется слишкомъ слабымъ для предупрежденія безпокойствъ и волненій, но облеченное произволомъ ничѣмъ неограниченнымъ, оно породитъ въ обоихъ сословіяхъ, и помѣщичьемъ и крестьянскомъ, недовѣріе и неудовольствіе, которыя суть прямыя причины волненій и безпокойствъ.

Всѣ вышеупомянутыя соображенія, опровергающія самыя начала, на коихъ предположено учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ, приводятъ къ заключенію, что составленіе опредѣлительной, не выходящей изъ предѣла законовъ, но на сихъ самыхъ началахъ основанной инструкціи, дѣлается невозможнымъ безъ коренныхъ измѣненій въ существующемъ административномъ порядкѣ и законахъ.

Впрочемъ, еслибы даже эти измѣненія и послѣдовали, то составленіе инструкціи во всякомъ случаѣ было бы теперь преждевременно; ибо для этого потребовалось бы обсуждать права и обязанности генералъ-губернаторовъ по наблюденію за введеніемъ такихъ связанныхъ съ ними административныхъ и судебныхъ установленій (губернскихъ и уѣздныхъ расправъ и мировыхъ судей), кои еще не разсмотрѣны и не утверждены.

Ужели дальнѣйшее расширеніе власти генералъ-губернаторовъ возможно?

Если, въ видахъ соблюденія общественнаго порядка, имъ предоставлено будетъ употреблять исключительно однѣ, на чувствѣ справедливости и законѣ основанныя, мѣры, то власть генералъ-губернаторская уже перестанетъ быть властью, а перейдетъ въ неограниченное самовластіе и безотчетный произволъ.

3.

Соображенія о предстоящихъ мѣрахъ.

Успѣхъ осуществленія человѣколюбивой мысли улучшенія быта крестьянъ зависитъ не отъ предполагаемаго умноженія властей, но отъ правильнаго безпристрастнаго разбора положеній губернскихъ комитетовъ и отъ вѣрнаго практическаго соглашенія правъ и выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Не должно опасаться важныхъ затрудненій и безпокойствъ, если

утвержденныя положенія будутъ заключать въ себѣ условія дѣйствительнаго улучшенія крестьянъ. Въ такомъ случаѣ крестьяне, спокойно выжидающіе положеній губернскихъ комитетовъ, спокойнѣе будутъ ожидать и утвержденія этихъ положеній высочайшею властью.

Между тѣмъ усиленіе губернскихъ властей можно достигнуть слѣдующими законными мѣрами:

1) Обращать особенное вниманіе на личныя достоинства и способности начальниковъ губерній и, постоянно слѣдя за дѣйствіями ихъ по предпринятому преобразованію, давать имъ надлежащія наставленія для успѣшнаго разрѣшенія онаго.

2) Можетъ быть, между членами губернскихъ комитетовъ явятся люди съ направленіемъ и убѣжденіями, которыя будутъ соотвѣтствовать настоящимъ преобразовательнымъ намѣреніямъ правительства, то и этихъ людей имѣть въ виду на губернскія и высшія въ губерніи должности, не затрудняясь притомъ разрядами чиновъ, которые только стѣсняютъ въ выборѣ дѣльныхъ и способныхъ людей.

3) Расширить и усилить по возможности предѣлъ власти начальниковъ губерній на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя уже собраны въ министерствѣ, по особому высочайшему повелѣнію.

4) При введеніи положеній о бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ временно освобождать начальниковъ губерній отъ предсѣдательства во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему губернскихъ учрежденіяхъ и предсѣдательство возложить на вице-губернаторовъ.

Вслѣдствіе сего самимъ губернаторамъ легко будетъ наблюдать за порядкомъ исполненія положеній объ улучшеніи быта крестьянъ и пещись о сохраненіи при этомъ спокойствія и общественной безопасности.

5) Предоставить начальникамъ губерній устранять всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ и по выборамъ и отъ правительства, кои окажутся неблагонадежными и неспособными къ безпристрастному дѣйствію при введеніи новаго порядка.

6) Ассигновать въ распоряженіе начальниковъ губерній особыя суммы на экстренные расходы.

7) Снабдить губернаторовъ особою инструкціею, которая, впрочемъ, не прежде можетъ быть составлена съ должною ясностью и опредѣлительностью, какъ по разсмотрѣніи положеній губернскихъ комитетовъ.

Въ этой инструкціи указать и объяснить мѣры, которыя должно будетъ принимать, какъ противъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, возбуждающихъ затрудненія и препятствія ко введенію новыхъ положеній.

8) Сдѣлавъ предусмотрительное распредѣленіе войскъ, снабдить начальниковъ надъ оными надлежащими наставленіями, въ которыхъ, между прочимъ, ясно опредѣлить отношенія сихъ начальниковъ къ гражданскому вѣдомству.

Всѣ эти мѣры при предпринимаемомъ преобразованіи полицейской власти достаточны для удержанія порядка и повиновенія, ежели только самыя положенія будутъ составлены добросовѣстно въ видахъ общей государственной пользы. Въ случаѣ особыхъ мѣстныхъ возникшихъ въ какой либо губерніи или даже уѣздѣ затрудненій и недоразумѣній при установленіи новыхъ крестьянскихъ отношеній, всегда можно будетъ посылать, куда понадобится, уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ, которыя обязаны будутъ давать дѣлу правильное направленіе сообразно полученнымъ на этотъ исключительный случай инструкціямъ. Власть этихъ уполномоченныхъ лицъ, не вмѣшивающихся въ общій ходъ администраціи, оканчивающихъ свои въ губерніи дѣйствія съ прекращеніемъ повода ихъ командировки, будетъ разниться существенно отъ власти генералъ-губернаторовъ и слѣдовательно не имѣть такихъ неудобствъ, которыя соединены съ этимъ учрежденіемъ.

Всѣ сіи соображенія доказываютъ, какъ то, что для правительства нѣтъ надобности прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для предупрежденія предполагаемыхъ волненій и безпорядковъ, такъ и то, что повсемѣстное учрежденіе генералъ-губернаторовъ произведетъ неисчислимыя затрудненія, ибо эти сановники усложнятъ и еще болѣе обезсилятъ существующіе органы губернскаго и уѣзднаго управленія.

Въ на стоящее же время, когда потребности законности начали выражаться еще сознательнѣе, въ особенности по причинѣ самаго преобразованія помѣщичьихъ крестьянъ, какъ стремленія по преимуществу законнаго, со стороны правительства установленіе личнаго и самостоятельнаго управленія временныхъ генералъ-губернаторовъ будетъ этому стремленію явно противорѣчить.

Нельзя также упустить изъ виду, что генералъ-губернаторы по свойству человѣческой природы придавать себѣ особенную важность и значеніе, станутъ преувеличивать опасность отъ могущихъ возникнуть мѣстныхъ недоразумѣній и будутъ находить всегда и во всемъ предлоги и мнимыя доказательства къ продолженію, а можетъ быть и къ превращенію своей власти изъ временной въ постоянную.

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, они могутъ даже сдѣлаться, къ несчастью, совершенно правыми, ибо, уклонившись однажды отъ путей естественныхъ и законныхъ, трудно впослѣдствіи избѣгнуть необходимости поддержанія порядка одною силою и страхомъ.

Спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства.

Записка эта возвратилась отъ государя къ министру внутреннихъ дѣлъ 8-го августа 1858 г. съ слѣдующею припискою на послѣднемъ листѣ:

«Я прочелъ всю съ большимъ вниманіемъ, и долженъ сказать вамъ

откровенно, что эта записка сдѣлала на меня весьма грустное впечатлѣніе. Она вѣрно составлена не вами, а кѣмъ нибудь изъ вашихъ директоровъ департамента или канцеляріи, которымъ предполагаемое новое учрежденіе крѣпко не нравится, ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе, которымъ они привыкли пользоваться и часто употреблять во зло».

Отмѣтка эта, въ свою очередь, глубоко огорчила С. С. Ланскаго и мужа. Конечно, всегда есть большой рискъ выражать мнѣнія рѣзкія и правдивыя насчетъ неудовлетворительности существующихъ учрежденій, которыя привыкли считать и полезными и прекрасными, но тутъ, кромѣ этого неудовольствія, замѣтно было, что государь обнаруживалъ крайнюю подозрительность и недовѣрчиво смотрѣлъ на мирный и благополучный исходъ крестьянской реформы. Нѣкоторыя отмѣтки, какъ напр. что «записку составилъ не онъ, а кто-нибудь изъ директоровъ», такъ смутили бѣднаго и добраго Ланскаго, что онъ рѣшился просить увольненія, и приготовилъ въ этомъ смыслѣ письмо, которое хотѣлъ подать въ концѣ слѣдующаго доклада. Съ нимъ вмѣстѣ вышелъ бы въ отставку и Николай Алексѣевичъ, который опять заговорилъ объ отъѣздѣ въ деревню. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ (такъ понималъ это и Ланской), что намекомъ на директоровъ департаментовъ, злоупотребляющихъ своею властью, государь разумѣлъ одного Милютина. Ланской повезъ свою отставку въ Царское Село, но государь встрѣтилъ его ласково и дружелюбно; гроза повидимому прошла, и старецъ не рѣшился вытащить письмо изъ кармана. Всего любопытнѣе, что въ концѣ именно этого доклада произошла между государемъ и министромъ очень интимная и откровенная бесѣда, съ искренними обоюдными признаніями насчетъ несовершенства внутренней администраціи и рѣшимостью предпринять что-нибудь для ихъ перерожденія. Результатомъ всего, вмѣсто отставки и отъѣзда въ деревню, было еще бо́льшее одушевленіе Николая Алексѣевича по работамъ объ общемъ земскомъ учрежденіи и постепенномъ развитіи ихъ въ земскую палату [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе К. Д. Кавелина.* Изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ проектъ Ростовцева о генералъ-губернаторахъ у меня удержалось въ памяти слѣдующее:

1-е. Князь Оболенскій проектировалъ письмо Ланскаго на имя государя объ отставкѣ. Оно при мнѣ читалось Ник. Ал. Милютинымъ и В. А. Арцимовичемъ и по этому предмету происходили совѣщанія, кажется по желанію Ланскаго. Но когда проектъ былъ ему представленъ, онъ нашелъ его слишкомъ легкимъ и написалъ свое письмо, гораздо болѣе сдержанное и рѣшительное.

2-е. О намѣреніи Ланскаго выйти въ отставку была предупреждена

Самыя любопытныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ губернскихъ комитетахъ, Николай Алексѣевичъ получалъ изъ писемъ Ю. Ѳ. Самарина и А. Н. Карамзина.

«Составъ нашего комитета со всячинкой, писалъ ему послѣдній въ мартѣ 1858 года, однако если Богъ поможетъ, я не теряю надежды, что онъ выразитъ нѣчто порядочное. Трехъ членовъ у насъ нѣтъ, безъ нихъ насъ изъ 22-хъ членовъ девять благонадежны. Всѣ девять—люди толковые, а изъ противниковъ только одинъ пользуется настоящимъ смысломъ. Комитетъ у насъ имѣлъ десять засѣданій, но установилъ собственно для себя канцелярскій порядокъ и выслушалъ проектовъ семь, изъ коихъ три обратили на себя особенное вниманіе членовъ и, въ самомъ дѣлѣ, того заслуживаютъ».

«Въ общей сложности долженъ сказать, писалъ около того же времени Ю. Самаринъ, что здѣшній комитетъ составленъ не дурно».

Онъ, между прочимъ, жаловался на трудность добывать точныя свѣдѣнія:

«Здѣсь, въ Самарѣ, я узналъ отъ Грота [1]), что Соловьевъ соста-

---

императрица. Ланской просилъ доклада, и когда явился, не могъ подать письмо, потому что былъ предупрежденъ государемъ.

3-е. Свиданіе между Ланскимъ и государемъ, какъ тогда разсказывали, происходило такимъ образомъ: какъ только Ланской явился, государь обнялъ его и сказалъ, что онъ надѣется, что Ланской на него не сердится. На это министръ замѣтилъ, что онъ думаетъ, что не пользуется больше довѣріемъ государя, тѣмъ болѣе, что ему, Ланскому, уже называютъ преемника.

— Кто же это называетъ?—спросилъ государь.

— Объ этомъ печатаютъ въ иностранныхъ газетахъ,—отвѣчалъ Ланской.

— Мало ли какіе пустяки тамъ печатаютъ,—возразилъ государь. — Мы съ вами,—продолжалъ онъ,—вмѣстѣ начали дѣло и вмѣстѣ кончимъ, и когда мнѣ больше не нужны будутъ ваши услуги, вы первый это отъ меня узнаете.

Въ 1861 году, передъ Пасхой, стали ходить сильные слухи о томъ, что Ланскаго смѣняютъ. Н. А. Милютинъ, видя, что эти слухи держатся упорно, счелъ нужнымъ предупредить старика.

— Не можетъ быть,—сказалъ Ланской,—государь мнѣ обѣщалъ, что я первый узнаю о моемъ увольненіи.

Оказалось, что онъ узналъ о немъ послѣдній. Объявлено оно ему было такъ. Онъ былъ вызванъ къ докладу и какъ только явился, государь ему сказалъ: „Vous savez combien je vous aime (тогда, замѣтилъ, передавая этотъ разговоръ Ланской, я понялъ все), mais je ne puis abuser plus longtemps de votre grand âge et de votre dévouement“. Можетъ быть выраженія не были именно эти (разговоръ и въ первый и въ этотъ разъ шелъ по-французски), но смыслъ ихъ былъ именно такой.

Спб. 2-го февраля 1876 г.

[1]) Константина Карловича. См. письма К. Д. Кавелина К. К. Гроту „Русская Старина“ 1899 г., № 1 и настоящій.

вилъ и напечаталъ статистическое изслѣдованіе Самарской губерніи. Этой брошюры здѣсь ни у кого нельзя достать. Я бы обратился прямо къ Соловьеву, но не знаю адреса его: вы съ нимъ видаетесь часто, сдѣлайте одолженіе попросите его, чтобы онъ выслалъ свою брошюру прямо на мое имя въ Сызрань. Я теперь по крупинкамъ собираю свѣдѣнія, въ которыхъ есть и будетъ большой недостатокъ».

Далѣе Юрій Ѳедоровичъ жалуется на неясность программы:

«Третьяго дня и вчера происходили два предварительныя засѣданія губернскаго крестьянскаго комитета для составленія программы вопросовъ. Возникъ вопросъ о томъ, составляетъ ли выгонъ необходимую принадлежность крестьянской усадьбы? но несмотря на убѣжденія и усилія четырехъ членовъ, рѣшено было, что выгонъ не входитъ въ составъ усадьбы, и выкупу не подлежитъ, на томъ основаніи, что въ опредѣленіи усадьбы, данномъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ его циркулярѣ, выгонъ не упоминается. Въ буквальномъ смыслѣ они правы. Трудно спорить въ одно время противъ помѣщиковъ и противъ правительства, опровергать неумѣренныя притязанія первыхъ и обличать недомолвки, противорѣчія, неточность въ циркулярахъ и программѣ послѣдняго».

При полученіи такого рода извѣстій, Николай Алексѣевичъ старался косвеннымъ образомъ или указаніями изъ министерства помочь дѣлу, что было не легко до назначенія его въ члены комитета и могло разссорить его съ производителемъ дѣлъ этого комитета Соловьевымъ, человѣкомъ самолюбивымъ и раздражительнымъ; однако, дружелюбіе не нарушалось, а дѣло часто выигрывало отъ его указаній. При началѣ открытія губернскихъ комитетовъ у болѣе либеральной части дворянства была еще надежда дружно и согласно вести дѣло, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, надежда эта значительно измѣнилась. Въ октябрѣ 1858 года, Самаринъ уже писалъ:

«Дѣла самарскаго комитета идутъ—не знаю, какъ вамъ сказать? насъ четверо противъ 11-ти или 12-ти, но сознательность убѣжденій, безукоризненность образа дѣйствій, даръ слова, грамотность и согласіе между собой—на нашей сторонѣ. Разумѣется, баллотировка всегда противъ насъ, а затѣмъ нѣкоторые члены являются къ намъ съ извиненіями. Ожесточеніе консерваторовъ ростетъ со-дня-на-день: интригъ, клеветъ, дерзостей, грубостей, лганья, притворства, недобросовѣстности столько, что при всемъ желаніи не поддаваться ежедневнымъ впечатлѣніямъ, не выходить изъ себя, каждое засѣданіе отнимаетъ годъ жизни и прибавляетъ клокъ сѣдыхъ волосъ. Чтобы дать вамъ понятіе о характерѣ комитета, вотъ вамъ образчикъ: мое предложеніе, чтобы члены въ обсужденіи вопросовъ не выходили изъ предѣловъ высочай-

шаго рескрипта, прошло большинствомъ одного голоса, послѣ ожесточенной рѣзни, продолжавшейся три засѣданія. Другое мое предложеніе, чтобъ свѣдѣнія о положеніи имѣній, представленныя помѣщиками, хранились при дѣлахъ комитета, прошло большинствомъ двухъ голосовъ. Было намѣреніе, по составленіи проекта, уничтожить эти документы, и черезъ это отнять всякую возможность, при введеніи новаго положенія, судить о томъ: улучшилось или ухудшилось положеніе крестьянъ. Мое опредѣленіе сущности переходнаго состоянія опровергнуто большинствомъ шести голосовъ, потому что въ немъ сказано, что цѣль преобразованія—освобожденіе крестьянъ.

«Тяжело, а въ то же время лучше, въ тысячу разъ лучше, прежней спячки, тишины и неподвижности».

Къ рождественскимъ праздникамъ (именно во время непріятности мужа по исторіи Думы) всѣ члены губернскихъ комитетовъ разъѣхались, а Юрій Ѳедоровичъ отправился въ Москву встрѣчать новый годъ съ матерью. 7-го января онъ писалъ оттуда:

«Сегодня я отправляюсь изъ Москвы обратно въ Самару. Предчувствую, что тамъ, во время праздниковъ, большинство опять смахнуло на старую дорогу, и что придется опять сызнова приниматься за воспитаніе малолѣтнихъ старцевъ. Нашъ комитетъ впрочемъ, кажется, перебѣсился, тогда какъ тульскій и рязанскій еще бѣсятся».

Бѣсились они въ самомъ дѣлѣ порядкомъ, и тульскій комитетъ серьезно думалъ объ исключеніи изъ среды дворянства князя В. Черкаскаго за либеральное направленіе. Но надо возвратиться къ тому, что происходило въ высшихъ административныхъ сферахъ.

Въ октябрѣ 1858 года братъ мой наскоро сообщилъ мужу изъ Гатчины, гдѣ былъ тогда весь дворъ и гостила великая княгиня Елена Павловна:

«On me charge de vous prévenir, que la correspondance Rostowzeff, sera discutée au Conseil des Ministres jeudi, après demain, et qu' il serait urgent de protester contre certains points. Mouravieff a dîné hier ici. Il a été traité avec une froideur marquée et n' est pas resté pour la soirée. En revanche Votre Ministre est, on ne peut mieux, en cour» [1]).

Къ назначенному засѣданію собранія министровъ для разсмотрѣнія писемъ Якова Ивановича (Ростовцева) по крестьянскому дѣлу Лан-

---

[1]) Мнѣ поручаютъ васъ предупредить, что письма Ростовцева подвергнутся обсужденію въ Комитетѣ министровъ въ четвергъ, послѣ завтра, и что было бы необходимо оспорить нѣкоторые пункты. Муравьевъ обѣдалъ вчера здѣсь. Онъ былъ принятъ съ примѣтной холодностью и вечеромъ не остался. Зато вашъ министръ какъ нельзя лучше принятъ при Дворѣ.

ской представилъ записку, въ которой выражалъ къ нимъ сочувствіе и замѣчанія по нѣкоторымъ пунктамъ[1]).

Пренія по этому поводу продолжались четыре мѣсяца, а 17-го февраля 1859 года Ростовцевъ получилъ отъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта высочайшее повелѣніе учредить редакціонныя коммисіи. Надо, кстати, замѣтить (и этимъ объясняются всѣ засѣданія), что изъ членовъ главнаго комитета: князя Орлова, графа Блудова, графа Адлерберга, князя П. П. Гагарина, С. С. Ланскаго, графа Панина, князя Долгорукова, М. Н. Муравьева, генералъ-адъютанта Чевкина, генералъ-адъютанта Ростовцева и Княжевича только три: Ростовцевъ, Ланской и Чевкинъ искренно желали освобожденія крестьянъ. Графъ Блудовъ и Княжевичъ относились къ вопросу крайне боязливо, а всѣ прочіе, усиленные княземъ Менщиковымъ, графомъ Строгановымъ, генералъ-адъютантомъ Игнатьевымъ и цѣлымъ легіономъ сановныхъ союзниковъ, были совершенные противники реформы; но неотложная потребность отмѣнить крѣпостное право до того созрѣла уже въ умѣ государя и до того была опредѣленна на этотъ счетъ его воля, что въ его присутствіи почтенные старцы подчинялись и подписывали противные имъ журналы; противодѣйствіе и недоброжелательство ихъ сказывалось лишь за стѣнами засѣданія.

Только по разсмотрѣніи писемъ, Николай Алексѣевичъ былъ назначенъ членомъ редакціонныхъ коммисій отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и успѣлъ убѣдить Я. И. Ростовцева вызвать экспертовъ со всѣхъ концовъ Россіи.

9-го марта 1859 года, Николай Алексѣевичъ писалъ Самарину:

«Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ [2]), въ дополненіе къ официальному приглашенію, уже отправленному на ваше имя, мнѣ поручено обратить къ вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостью исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна были преданы всей душой. Коммисія, въ которую вы приглашаетесь членомъ, открылась на сихъ дняхъ; вотъ ея составъ: предсѣдатель Я. И. Ростовцевъ, отъ главнаго комитета—Жуковскій, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ—Соловьевъ, Гирсъ и я, отъ министерства государственныхъ имуществъ—Булыгинъ и Павловъ (оба бывшіе члены московскаго комитета), отъ министерства юстиціи—Любощинскій и Семеновъ, отъ 2-го отдѣленія Калачевъ, наконецъ члены изъ помѣщиковъ (эксперты какъ у насъ называются): Шишковъ, князь

---

[1]) Записки этой къ сожалѣнію у Николая Алексѣевича не осталось.

[2]) Письмо это съ маленькими сокращеніями было напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1880 года книга II, стр. 388.

В. Черкаскій, Галаганъ и Тарновскій, послѣдніе два изъ черниговскаго комитета, Желѣзновъ—изъ новгородскаго и вы. Вѣроятно прибавится еще кой кто; но вы видите, что избираются люди искренно преданные дѣлу. Эксперты и министерскіе члены имѣютъ совершенно равныя права и обязанности. Депутаты же, призываемые изъ губернскихъ комитетовъ, вѣроятно будутъ имѣть голосъ лишь совѣщательный. Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостного узла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода вѣроятно будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни. Идя въ коммисію, я болѣе всего разсчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла. При всей твердости моихъ убѣжденій, я встрѣчаю тысячу сомнѣній, для разрѣшенія которыхъ нужны совѣты и указанія практиковъ. Здѣсь вы нужнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Обнимаю васъ отъ всей души въ надеждѣ на радостное свиданіе.

«P. S. Къ работамъ мы еще не приступили; но мѣшкать нельзя. У насъ уже семь проектовъ, ожидаемъ еще нѣсколько. Надо тотчасъ начать ихъ разработку и поставить вопросы, а вы знаете какъ это важно. Передайте мой дружескій поклонъ Гроту. Соображеній нашихъ о полиціи и мировыхъ судьяхъ не могу вамъ послать, но спѣшу извѣстить, что они вполнѣ приняты. Всѣ сорныя травы вырваны, надѣюсь, окончательно».

«Я получилъ ваше письмо, отвѣчалъ Самаринъ 22-го марта 1859 г., одновременно съ офиціальнымъ приглашеніемъ отъ генерала Ростовцева, которому отвѣчаю по этой же почтѣ. Что я приму приглашеніе съ радостью и съ полною готовностью идти на всѣ послѣдствія, въ этомъ, я надѣюсь, вы не сомнѣваетесь. Не говоря уже о томъ, что въ такомъ дѣлѣ всякій, кому удастся хоть одинъ камешекъ снять съ засореннаго пути, который одинъ ведетъ къ успѣху, долженъ почитать себя счастливымъ, я придаю великую важность этому первому шагу допущенія совершенно свободнаго совѣщательнаго элемента въ государственномъ вопросѣ. Если дѣло поведено будетъ удачно и благоразумно, то можетъ пріохотить и на будущее время обращаться къ этому же способу; напротивъ, неудачи или скандалъ возымѣли бы очень дурныя послѣдствія. По крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи я могу сказать, что совершенно готовъ: въ теченіе моего шестимѣсячнаго пребыванія въ самарскомъ комитетѣ, я съ головы до ногъ оброс непроницаемою чешуей долготерпѣнія.

«По приглашенію вашему, я бы тотчасъ пріѣхалъ, если-бъ не при-

ковывало меня къ Самарѣ то самое дѣло, для котораго вы меня зовете въ Петербургъ. На будущей недѣлѣ должны пройти послѣднюю главу программы: поручено мнѣ составить ее. Затѣмъ начнется редакція проектовъ. У насъ ихъ будетъ два, но на которой сторонѣ будетъ болѣе шансовъ—теперь еще предвидѣть нельзя. Одинъ проектъ пишу я, по порученію четырехъ членовъ комитета, постоянно подававшихъ голосъ со мною. Положившись во всемъ на меня, они не брали пера въ руки и ни къ чему не готовились. Бросить ихъ теперь, значило бы выдать ихъ безоружныхъ озлобленному большинству, и тогда противники передѣлали бы все, что намъ удалось сдѣлать. У меня уже совсѣмъ готовы пять главъ, для остальныхъ и пояснительныхъ записокъ изготовлены всѣ матеріалы; работы остается не болѣе какъ на три недѣли, и признаюсь вамъ, мнѣ самому не хотѣлось бы сдавать на чужія руки работу, надъ которой я много трудился и которою дорожу. Чрезъ недѣлю Страстная, тамъ праздникъ, въ это время, вѣроятно и въ Петербургѣ будетъ роздыхъ, а я въ Самарѣ успѣю окончить и оставить готовый проектъ. Дня на четыре мнѣ нужно съѣздить въ деревню, а съ первымъ пароходомъ я поднимусь вверхъ по Волгѣ до Твери. Въ первыхъ числахъ мая я буду въ Петербургѣ и тогда давайте трудиться, располагайте мною какъ знаете.

«Здѣсь я даже никому, кромѣ Грота, не сказалъ о моемъ назначеніи, иначе бы все пошло вверхъ дномъ; стали бы тянуть до моего отъѣзда, а потомъ передѣлали бы всѣ принятыя статьи.

«И такъ до скораго свиданья, обнимаю васъ отъ всей души, и оканчиваю стихами Хомякова:

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Доколѣ не прорѣжу нивы,
Господь для сѣва Твоего.. .“

Юрій Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, дѣйствительно, изъ послѣднихъ. Въ журналѣ засѣданія общаго присутствія редакціонной коммисіи отъ 3-го іюня, читаемъ:

«....Вновь прибывшій членъ Самаринъ изъявилъ желаніе войти въ составъ хозяйственнаго отдѣленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, принимать участіе и въ засѣданіяхъ административнаго отдѣленія, что предсѣдателемъ утверждено».

Первый изъ членовъ-экспертовъ пріѣхалъ Галаганъ изъ Кіевской губерніи, потомъ князь Черкаскій изъ Тульской губерніи, и Тарновскій изъ Полтавской, оба въ теченіе апрѣля мѣсяца 1859 года.

Весенними птицами слетѣлись они со всѣхъ концовъ Россіи, въ одну группу, покидая кто жену и дѣтей, кто свой безвыѣздный деревенскій уголъ, всѣ свои частныя дѣла и занятія, пріѣзжая (безвозмездно) въ

Петербургъ, гдѣ ожидало ихъ столько мукъ всякаго рода, столько безсонныхъ ночей, проведенныхъ за работою, такая напряженная борьба, такая странная неблагодарность!

Почтенные товарищи благороднаго труда моего мужа! Гдѣ вы нынѣ? Многіе ли изъ васъ дожили до утѣшенія видѣть лучшія времена, до «пожатія въ радости того, что посѣяно въ слезахъ?»

Да, вы боролись «крѣпкою борьбою», не знали устали, не хотѣли знать ее, пока не довершили великаго дѣла. Какъ описать эту исполинскую борьбу добросовѣстнаго труда и знанія съ циническимъ невѣжествомъ, съ мелкимъ тщеславіемъ и мелкими интересами! Какъ нарисовать это чудовище-гидру — клевету, съ которой едва успѣвали вы срывать одну голову, какъ уже выростала другая.

Какъ передать опасенія ваши и надежды, по временамъ порывы негодованія и отчаянія и снова возвращающіяся бодрость и энергію!

Да, теперь предстоитъ начертить картину совсѣмъ другого рода, и передъ ея величавой строгостью и красотою невольно опускаются руки.

Вспоминаю о васъ, о колоссальномъ трудѣ вашемъ (исполненномъ подъ батарейнымъ огнемъ, какъ укрѣпленія Севастополя), вспоминаю о самоотверженной къ этому преданности, заставлявшей васъ, людей независимыхъ и гордыхъ, переносить и забывать нареканія, обиды, оскорбленія, испытывать чувство благородной гордости, что принадлежишь народу.....

(Продолженіе слѣдуетъ).